

Выдающиеся подвиги в тылу врага совершили офицеры-разведчики А. П. Бринский, Б. Л. Галушкин, О. А. Горчаков, Н. И. Кузнецов, Д. Н. Медведев, Е. И. Мирковский, В. А. Молодцов, К. П. Орловский...

Из энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945».

Сейчас я встречаю во многих газетах статьи с сенсационными заголовками о живом и здравствующем «майоре Вихре». ...Характер Вихря, его облик, манеры, его привычку говорить и думать я «списывал» с моего доброго друга, писателя, лауреата премии Ленинско-

го комсомола Овидия Горчакова, которого многие знают как одного из авторов фильма «Вызываем огонь на себя» и немногие — как военного разведчика, сражавшегося в фашистском тылу.

Юлиан СЕМЕНОВ.
«Литературная газета».

Создатели фильма сделали художественный образ разведчика Исаева реально осязаемым. В Максиме Максимовиче мы узнаем Рихарда Зорге и Льва Маневича, Николая Кузнецова и Геннадия Братчикова, Антона Бринского и Овидия Горчакова.

«Полесская правда».

Признаюсь, перед встречей я испытывал некоторую робость. Говорю это не для красного словца или чтобы заинтриговать читателя! Просто не каждый день доводится встречаться с майором Вихрем и Штирлицем в одном лице, однополчанником Зои Космодемьянской, настоящим разведчиком и к тому же автором того «Джина Грина — неприкасаемого», за которым в студенческую пору я отстоял, если помнится, очередь в два месяца... Квартира похожа на музей. Правда, профессию хозяина музея определить нелегко: уголок, посвященный Лермонтову; стрельба для спортивной стрельбы из лука; коллекция старинного фарфора; впрочем, свежая периодика Западной Европы и США «предательски» выдает интересы этого седовласого человека. Но он и не скрывает своих интересов:

мира, врагов Пентагона и ЦРУ...

— Герои ваших «американских» книг — сильные люди. Я бы сказал — супермены с человеческим знаком «плюс».

— Мне хочется рассказать о людях, которые являлись советью Америки. Это Джин Грин, нашедший в себе мужество

противника — за 300 километров за линию фронта; здесь находились не части вермахта, а эсэсовцы. В оперативной разведке я и прошел свой путь от Москвы до Берлина.

Неподготовленность к войне, тяжелые ошибки предвоенного времени сказались и на работе разведки. Мы считали, что ты-

ПРАВДУ И ТОЛЬКО ПРАВДУ

произвести расчеты с совестью. Это капитан Грант из «Падающего дождя» и «Американского синдрома», сумевший поправить с «зелеными беретками» и разоблачить их злодеяния. (Кстати, неправы оказались некоторые мои коллеги, которые писали, что такие мерзавцы, как Грин и Грант, никогда не станут по другую сторону баррикады: после публикации «Падающего дождя» я прочитал в американской прессе о сержанте Данкене, который порвал со спецвойсками и написал книгу, направленную против «зеленых берегов»). Сильной личности посвящена моя новая книга, выходящая в «Советском писателе» — «От Ардена до Берлина»; ее герой — национальный герой Америки, награжденный высшим орденом США, — Эрик Вуд (в книге — Эрик Худ). Человек удивительной судьбы, всеамериканский парень, чемпион по регби... Его полк и дивизия полностью сдались немцам в Арденнах. Он со своим оружием оборонялся до последнего снаряда, а затем, не желая сдаваться в плен, ушел с несколькими людьми в лес. Постепенно его группа увеличивалась. В отличие от многих американских летчиков они не устроились в какой-либо бельгийской семье, а включились в активную партизанскую работу: устраивали засады на немцев, подобно тем, как я и мои товарищи — на Варшавском шоссе, под Могилевым, за Днепром... Впрочем, пересказывать все сюжетные линии повести — неблагодарное дело, да это и невозможно в небольшой беседе. Поэтому отсылаю читателей к самой книге.

— Прошу прощения за наивность вопроса, но он построен на письмах читателей «КО»: как вы стали Штирлицем, майором Вихрем, словом, разведчиком?

— Для этого нужно вернуться в суровые дни сорок первого. Шестнадцатилетним мальчишкой я ушел добровольцем на фронт: попал в оперативную разведку (в одну часть с Зоей Космодемьянской). Мы ходили в дивизионный, армейский тыл

ла врага для нас не будет существовать. И об этом пора сказать честно. К примеру, перед своим волоколамским заданием Зоя готовилась четыре дня, и всего полторы недели — перед петрищевским! Ополченец же для такого задания проходил месячную подготовку. Здесь я хочу отметить, что Зоя была разведчицей, как я и мои боевые товарищи; и руководили нами разведывательное управление Красной Армии и разведотдел штаба Западного фронта. Если в условиях военного времени была необходимость представлять нас партизанами, то сейчас, по-моему, надо говорить все начистоту!

Начистоту надо говорить и писать о том, какая классовая борьба возникла в глубоком тылу, где поистине продолжалась гражданская война — с недобитками, власовцами, полицаями. Мне довелось оказаться во время выполнения задания в районах, где мы не обнаружили партийного и государственного руководства, где мы, разведчики, оказались предоставленными самим себе, так как наш командир, как капля воды, отразил в себе весь культ личности с его недостатками и преступлениями. Он решил показать себя суровым и непреклонным командиром, расстреливал людей. В отряде создалась деморализационная обстановка. С радиостанцией я ушел из отряда и передал в Москву, что командир расстреливает лучших бойцов. Просил прислать инспекцию. В Генштабе, получив мое сообщение, решили, что я сошел с ума, и приказали немедленно соединиться с командиром и вернуть ему радиостанцию. В противном случае я буду сурово наказан. И я, как Дон Кихот, стал искать в тылу нашего мерзавца, чтобы вручить ему радиостанцию и себя. Устав есть устав...

— Овидий Александрович, но ведь это — материал для книги!

— А это и есть книга, которую я написал... В 1948 году: роман-хроника «Вне закона», определявшая на всю жизнь

мое пристрастие к художественно-документальному жанру. Основной пафос книги — необходимость партийного контроля — широкого и глубокого — и что происходит, когда такого контроля нет. Здесь я тематически соприкасаюсь с дорогим моему сердцу писателем и моим другом Василем Быковым...

— А что было потом?

— Ну, всего я не буду рассказывать — иначе книгу будет неинтересно читать. Но, чтобы заинтриговать, скажу, что затем я занимался разведкой в Клетнянских лесах в Белоруссии, был тяжело ранен разрывной пулей (у меня было почти такое же ранение, как и у героя романа Хемингуэя «Прощай, оружие!»). Затем — последнее задание: меня посылают в тыл врага заместителем нашего резидента, который оказался... не только завербованным немцами, но и награжденным ими железным крестом! Впрочем, об этом мне до последнего времени не разрешили писать: мол, не было у нас таких. Я разошелся с редакторами в отношении к фактам. Главная моя книга лежит и ждет своего часа.

— Какова судьба этой книги?

— В 1948 году я отдал ее в один журнал. Сотрудник этого журнала сказал мне: «Возьми домой, сожги и никому не показывай. Я — порядочный человек, тебя не выдам». А сам потом уехал в Израиль! Вот так «оберегатель» наших идей!

Мой собеседник смеется. Но смех этот невеселый: роман-хроника «Вне закона», состоящий из трех книг, четыре десятилетия ждет своей публикации. Может быть, в ближайшее время мы увидим его напечатанным и откроем для себя новую грань таланта Овидия Горчакова...

— То, что вы стали писателем, — это случай или призвание?

— Расскажу о своем пути в литературу.

С пяти лет я начал писать

стихи. В двенадцать лет поступил в литстудию московского Дома пионеров. Здесь с нами встречались Паустовский, Фраерман, нарком просвещения Бубнов, Крупская... Я сидел рядом с Юрием Трифоновым, Николаем Евдокимовым, Сергеем Баруздиным, которые тогда были Юрой, Колей, Сережей... Фамилий можно было бы назвать и больше, если бы многие из наших студийцев не погибли во время войны. А потом начались мои университеты — они были зеленые — лиственные и хвойные — в тылу врага. После войны был одним из первых синхронных переводчиков Сталина, Хрущева. Поступая в аспирантуру (правда, меня при поступлении пугали грамматикой английского языка — мол, не сдам! Ведь у нас ее так разрабатывали, что сами американцы, знакомясь с ней, не могут понять, что это за язык!). Работал в издательстве «Прогресс», перевожу на английский язык Гоголя, Тургенева, Фадеева и др. Переведя два десятка книг, пошел к тогдашнему руководителю иностранной комиссии Союза писателей. Мне говорили о нем, что это умный человек, знает иностранные языки (потом я узнал, что этим иностранным языком был украинский). «На какой язык переводил книги?» — спросил он меня. — На английский! — Вот и поступай там в Союз писателей», — последовал ответ этого «умного» человека.

Я поступил в Литературный институт. Учился у С. Бонди, Г. Березко... Теперь уже с одной стороны от меня сидел А. Кузнецов, с другой — А. Гладкий! Да В. Аксенов все выпрашивает: как там, за границей? — Ответарям там делать нечего! — Обещаю ему.

А потом выходит первая книга «Вызываем огонь на себя», героине которой — Ане Морозовой — были поставлены памятники в СССР и Польше. Таков был мой путь в литературу. Впрочем, он продолжается и по сей день.

Беседу вел Александр ЩУПЛОВ.